

вается его совершение организованной группой, а соучастие в неосторожных преступлениях невозможно, ученый делает вывод, что преступление, предусмотренное ст. 187 УК, может совершаться только с косвенным умыслом. Прямой умысел при совершении данного преступления невозможен, поскольку при желании наступления предусмотренных законом последствий ответственность должна наступать за торговлю людьми по ст. 181 УК.

Иной точки зрения придерживается В.А. Лаевский, который считает, что умысел виновного при незаконном трудоустройстве гражданина за границей направлен именно на такое трудоустройство. Отношение же виновного к последствиям таких действий по незаконному трудоустройству – сексуальная или иная эксплуатация (как необходимым условиям наличия состава преступления, предусмотренного ст. 187 УК) – выражается лишь в форме неосторожной вины (преступная небрежность или легкомыслие). В противном случае будет иметь место торговля людьми.

В целом следует отметить, что диспозиция ст. 187 УК сформулирована неудачно. Положения данной нормы порождают возможность для необоснованного расширения причинно-следственных отношений и создают предпосылки объективного вменения.

Принятая в Республике Беларусь норма об ответственности за использование рабского труда (ст. 181¹ УК) полностью соответствует нормам международного права. Однако имплементации нормы международного права в настоящей редакции оказалось недостаточно для эффективной борьбы с проявлениями рабства в современных условиях. Анализ диспозиции нормы позволил выявить существенные недостатки в регламентации объективной стороны рассматриваемого состава преступления и отграничения его от торговли людьми.

Буквальное толкование уголовно-правовой нормы позволяет сделать вывод, что законодатель акцентировал внимание прежде всего на эксплуатации труда человека, находящегося на положении раба. За рамками правового регулирования остались случаи признания преступлением непосредственно самого факта обращения человека в рабство без намерения использовать его труд. Кроме того, установив уголовную ответственность за использование рабского труда, законодатель не истолковал понятия «рабство», «рабский труд», «иная форма эксплуатации». Между тем отсутствие четкого определения признаков состава преступления не может создать надежных гарантий единообразного применения нормы закона, способно привести в практику разноречивую и существенно осложнить достижение тех целей, которые поставлены законодателем.

Главная же проблема заключается в том, что при конструировании уголовно-правовой нормы законодатель ограничил возможность привлечения к ответственности за использование рабского труда указанием на отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 181 УК. В этой связи следует задать вопрос: как оценить с точки зрения закона действия лица, купившего человека, а потом использовавшего его рабский труд? По мнению В.В. Марчука, действия лица, получившего потерпевшего для эксплуатации и использовавшего его в качестве раба либо в иных формах эксплуатации, должны квалифицироваться по совокупности преступлений: ст. 181 (получение человека в целях эксплуатации) и ст. 181¹ УК. Однако конструкция уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за использование рабского труда, исключает возможность применения при квалификации одновременно обеих статей. В правоприменительной практике такие действия охватываются лишь рамками ст. 181 УК.

Следуя международным стандартам, Уголовный кодекс Республики Беларусь установил ответственность за преступления, связанные с торговлей людьми. Между тем отчетливо просматривается необходимость совершенствования уголовно-правовых норм в части обеспечения единого подхода к правовой оценке целого ряда признаков рассматриваемой группы преступлений и создания благоприятных условий для дальнейшего развития перспективного направления уголовно-правовой политики, обеспечивающей эффективное противодействие торговле людьми в Республике Беларусь.

УДК 343.2

Е.А. Реутская

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Уголовное законодательство современных государств характеризуется постепенным возрастанием интеграционных процессов. Основным этапом сближения и унификации уголовного законодательства, затрагивающим интересы Республики Беларусь, можно считать принятие Модельного уголовного кодекса СНГ. Так, например, в соответствии с обозначенным актом уголовные законы Республики Беларусь, Российской Федерации, Украины и Республики Казахстан имеют схожее построение системы санкций, что обусловило и схожесть проблем в сфере построения и последующего применения уголовно-правовых санкций.

В виду того что любое государство относится к одной из четырех основных правовых систем мира, разделим государства на следующие группы и рассмотрим в рамках каждой группы законодательство стран, имеющее особенности законодательной техники построения санкций (страны – участницы СНГ и Таможенного союза, представители романо-германской и англосаксонской правовых систем), а также законодательство стран, основой законодательной деятельности которых выступает религиозный закон.

В качестве примера стран – участниц Таможенного союза и стран – участниц СНГ рассмотрим уголовное законодательство Российской Федерации, Республики Казахстан и Украины. В УК обозначенных государств содержатся аналогичные с отечественным УК недостатки законодательной техники построения санкций: большой промежуток между верхними и нижними границами наказания в виде лишения свободы в санкции статьи Особенной части включает несколько категорий преступлений; проблема установления различных по тяжести наказаний за преступления равной тяжести; избыточное количество основных видов наказаний в конструкции санкции и др. Как пример удачной конструкции можно привести санкции ст. 250 УК Республики Казахстан «Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено», ч. 1 которой предусматривает основное наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. Далее ч. 2 пропорционально увеличивает срок возможного наказания, который составляет от 7 до 12 лет; ч. 3 предусматривает границы от 10 до 15 лет, а ч. 4 – срок от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы. В свою очередь, санкция ч. 3 ст. 327 «Самоуправство», устанавливает срок лишения свободы от 2 до 7 лет, объединив в себе три категории преступлений: небольшой тяжести, средней тяжести и тяжкие.

Среди государств романо-германской правовой системы, не являющихся членами СНГ, особенности законодательной техники построения санкций имеют уголовное законодательство Франции, Германии и Сан-Марино. Для УК обозначенных государств

характерно наличие в системе наказаний и в конструкции санкций относительно небольшого количества основных видов наказаний, а также применение наказания в виде лишения свободы и штрафа не в альтернативе, а одновременно. Так, например, УК Франции содержит единичные санкции с абсолютно определенным наказанием (ст. 222-20 – 1 год заключения со штрафом в размере 100 тыс. франков; ст. 222-35 – 20 лет заключения со штрафом в размере 50 млн франков), в то время как санкции УК Германии всегда определяют срок лишения свободы и вид штрафа, а размер штрафа отсутствует и определяет его в каждом конкретном случае суд.

Обращаясь к УК Сан-Марино, отметим, что за совершение любого деяния, признаки которого описаны в диспозиции, предусмотрено наказание определенного вида с указанием степени. Например, за умышленное убийство (ст. 150) закреплено наказание в виде тюремного заключения седьмой степени и лишение четвертой степени избирательных и политических прав. Удачным с точки зрения законодательной техники представляется разделение сроков наказания в виде тюремного заключения в пределах соответствующих степеней: первая степень предусматривает срок заключения от трех месяцев до одного года, вторая степень – от шести месяцев до трех лет, третья степень – от двух до шести лет и т. д. Следовательно в каждой степени примерно определяется медиана размера наказания, которая служит ориентиром для установления нижней границы последующей степени. На наш взгляд, подобным образом можно было бы определять нижнюю границу наказания в виде лишения свободы в санкциях квалифицированных и особо квалифицированных составов Особенной части отечественного УК.

В качестве примера уголовного законодательства, которое основывается на религиозных нормах, рассмотрим уголовное законодательство Ирана. Так, санкции Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран содержат одно или два относительно определенных наказания (например, ст. 211 «Убийство» устанавливает наказание в виде тюремного заключения на срок от 3 до 10 лет «при отсутствии частной жалобы, отказа истца от возмездия»). Особенностью УК Ирана является законодательное закрепление права кровной мести, а также норм, отсылающих к исламскому религиозному закону – Корану, особенно в случае применения телесных наказаний. Однако возможность причинения телесных наказаний закрепляется не только в Коране, но и в уголовно-правовой санкции (например, ст. 547, 595 УК Ирана предписывают наказывать помимо штрафа бичеванием кнутом). Кроме этого некоторые санкции УК Ирана содержат принцип соразмерности совершенного преступления наказанию (например, по ст. 589 УК Ирана судья, который за взятку назначил виновному более строгое наказание, чем в санкции, назначает такое же самое наказание помимо того, которое положено за получение взятки).

Интерес представляют приемы законодательной техники построения уголовно-правовых санкций, содержащихся в законодательстве стран, относящихся к англосаксонской правовой системе. Так, санкции УК Техаса определены и содержат в конструкции указание на категорию, к которой относится описанное в диспозиции посягательство, именуемое «мисдемнером», или «фелонией». В качестве основных наказаний УК Техаса предусматривает смертную казнь, лишение свободы (пожизненное и срочное) и штраф. В соответствии со ст. 12.21–12.35 наказания являются относительно-определенными с указанием лишь верхней границы. При этом главным недостатком законодательной техники является широта верхних и нижних границ наказания в виде лишения свободы: от 5 до 99 лет лишения свободы по ч. «а» ст. 12.32; от 2 до 20 лет лишения свободы по ч. «а» ст. 12.33.

Из анализа содержания санкций федерального УК Австралии 1995 г. следует, что к наказаниям относятся лишение свободы (срочное и бессрочное) и штраф, так как общепризнанный перечень системы наказаний в Общей части отсутствует. Большинство санкций УК Австралии включают абсолютно-определенное наказание (ст. 139.1, 139.2 – лишение свободы на срок 12 лет, ст. 141.1, 144.1 – лишение свободы на срок 10 лет и др.). Рассмотренное уголовное законодательство государств с англосаксонской правовой системой в качестве основных видов наказаний предусматривает лишение свободы, штраф, в исключительных случаях – смертную казнь, а содержание санкций строго определено.

Таким образом, законодательная техника построения санкций государств, входящих в СНГ и Таможенный союз, сталкивается с аналогичными для отечественного УК проблемами. Особенности законодательной техники государств, относящихся к романо-германской, англосаксонской и религиозной правовым системам, не входящих в СНГ, обусловлены наличием в санкции меньшего количества основных видов наказаний с точно определенными размерами. Полагаем необходимым сокращение количества основных видов наказаний в санкции путем введения простых единичных санкций с относительно определенным наказанием в Особенную часть отечественного УК.

УДК 343

Е.А. Рочева

О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО ВОПРОСАМ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Анализ ситуации в мире приводит к однозначному выводу, что только благодаря международному сотрудничеству можно обеспечить глобальную, региональную и национальную безопасность и стабильность. Отдельно взятое государство и даже группа государств независимо от их экономического и военного потенциала не могут самостоятельно противостоять коррупционным проявлениям, которые носят трансграничный характер и подрывают безопасность и стабильность всех без исключения государств – членов мирового сообщества.

Потребность в единой антикоррупционной политике определяет развитие международно-правовой базы в сфере борьбы с коррупцией. Международное антикоррупционное нормотворчество осуществляется на глобальном и региональном уровнях.

О важности проблемы коррупции и необходимости противостояния ей упоминается еще в материалах V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 1975). В дальнейшем на форумах ООН данная проблема обсуждалась неоднократно. В то же время коррупция рассматривалась как проблема национальная, во многом зависящая от культурных особенностей и традиций той или иной страны. Понимание международного, глобального характера феномена коррупции, как указывает Г.И. Богуш, пришло несколько позже, с интенсификацией интеграционных процессов в мировой экономике.

Разработка специального договора началась после принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 15 ноября 2000 г. В своей резолюции от 4 декабря 2000 г. Генеральная Ассамблея (ГА) признала целесообразность